

ЕЛЕНА СУХОВА

правлять на пенсию или переводить на разовую оплату артистов, мало занятых в репертуаре. Но я не смогла найти в себе силы, чтобы сделать это. И до сих пор не могу. Хотя понимаю, что с точки зрения дела это не всегда правильно.

— *Ну а по какому поводу вы можете быть «железобетонной»?*

— Когда вижу, что человек предаст свой театр, пускай даже по таланту это артист первой величины. Я понимаю, когда артист снимается где-то, что-то озвучивает — ему же надо на что-то жить. Но в день замены спектакля он никогда не произнесет чудовищную для меня фразу: «У меня назначена съемка». Как угодно выкрутитесь, но театр не подведет. А если человек способен жить, изменяя этому приоритету...

— *... то что вы с ним делаете?*

— Увольняю. Вот такая я упертая в идее — и раньше была, и сейчас осталась. Ефремов в свое время говорил: «Ты в этом смысле еще более партийная, чем я». Он партийность просто как идею имел в виду, ведь членом партии я не была никогда. Вот недавно был случай с артистом, взявшим бюллетень, чтобы не играть спектакль в «Современнике», а я узнала, что он участвует в антрепризе, грубо говоря, через две улицы от нас. Вопрос для меня не стоял ни одну минуту. Я хорошо отношусь к этому человеку, но терпеть такого отношения к театру не могу.

— *Ничто не может вас раздражать? Личная ситуация, например?*

— Нет. Я прошала актерам разные личные ситуации бесчисленное количе-

ство раз. В том числе когда они позволяли себе появляться в неполюженном, мягко говоря, состоянии на работе и когда кое-кто — не буду называть фамилию знаменитого актера — срывал спектакль. И во многих других ситуациях я могу простить раскаявшегося человека.

— *Значит, и того, вышеупомянутого?*

— Нет! Предавать театр?! Нет!

— *Сурово. А как вы вообще-то решились стать режиссером?*

— За меня судьба решила. И Олег Ефремов. Он, охраняя только начинавший жить «Современник» от вторжения другой эстетики, заставлял почти каждого из тех, кто начинал наш театр, попробовать себя в режиссуре. Он же спровоцировал меня сделать первый самостоятельный спектакль — «Двое на качелях». Никогда не забуду день, когда Ефремов между делом, борясь со сложностями в штатном расписании, сказал: «Я перевожу тебя с актерской ставки на режиссерскую». Это была формальность, не лишавшая меня ни прошлых, ни будущих ролей, а у меня комок в горле застрял... Будто почувствовала, что рано или поздно придется выбирать между артисткой и режиссером. Так и случилось — со временем одна профессия вытеснила другую. Абсолютно.

— *Тогда закономерный вопрос: почему, не обладая яркой сценической внешностью, вы захотели быть артисткой? Родители подтолкнули? (Мама Галины Борисовны окончила сценарный факультет ВГИКа, отец — известнейший кинооператор и режиссер, снявший самые знаменитые фильмы 40—50-х годов. — Ред.)*

— Ой, папа очень не хотел, чтобы я была артисткой, и это было ужасно. Он, этот скромнейший и мягчайший человек, издевался надо мной, насколько мог. Будучи профессором ВГИКа, он видел, что индивидуальность моя не соответствует профессии. В 16 лет, окончив экстерном школу (так мне не терпелось быстрее на сцену), я была полной, крупной девочкой, никаким образом не подходящей под стереотип артистки того времени — 50-х годов. Немножко мрачноватая, с абсолютно детским лицом и с длинной косой. В общем, не самый эффектный типаж... Но я почему-то верила в себя.

— *Отсутствие комплексов?*

— Наоборот, я была жутко закомплексована, стеснительна. И все же какая-то вера фанатичная меня туда вела. Это было что-то свыше, помимо меня. Ведь я хотела поступать не куда угодно, а только в Школу-студию МХАТа. И когда меня приняли в Щукинское — мать заставила туда поступать — и меня, представьте, приняли (!)... я просто сбежала оттуда.

— *Значит, мама все-таки «двигала»?*

— Нет, но пока я ждала третьего тура во МХАТе, она наводила справки, и ей сказали: «Там одни «блатные» будут, не возьмут вашу, видите, какие красавицы ходят». И она мне твердила: «Если папа, приехав со съемок, узнает, что ты куда-то поступила, — будет трагедия. Хоть куда-нибудь зачислись!» Папа хотел, чтобы я в Литературный институт шла или в какой-то Гидромелиоративный — у нас там был родственник директором. Но я грезилась только МХАТом. Я жила тогда с

папой и женского влияния имела мало. К выпускному вечеру в школе папа у своего портного сшил мне костюм — такой же, как у него, только с юбкой. Это была дикость. В то время так могла выглядеть только депутат Верховного Совета из глубинки. Так вот, я надела пиджак мужского покроя, украсила свою детскую голову тяжелым пучком, закрутив для солидности волосы сзади... И в этом виде под конвоем мамы явилась в Щукинское училище прямо на последний тур. Иду по коридору и думаю: «Хоть бы сказали: «Нельзя». Вдруг какой-то дядька лысый навстречу, я спрашиваю: «Скажите, пожалуйста, где тут прослушивают?» А он: «Да вы что, девушка, у нас сегодня уже конкурс, а вы ни одного тура не прошли». Я про себя: «Ну и хорошо!» Но он добавляет: «И вообще, не стоит вам поступать сюда, не получится у вас ничего. Идите в другой институт. Типа Гидромелиоративного?! И тут я начала умолять. Да как! Сломила. Он сказал: «Ну ладно, зайдите в последней пьетерке». Хотел, видимо, посмеяться комиссию. Потом выяснилось, что это был директор училища Борис Григорьевич Кульнев. В составе комиссии сидел весь Вахтанговский театр. Вхожу, а со мной пять красавиц. И пока пять точеных девушек, честно оттрубивших два тура, по очереди выходили, члены комиссии на них почти не смотрели, все толкали друг друга и смеялись, глядя на меня. Когда я вышла на сцену и начала жмуриться от софитов, они не дали мне дочитать до конца басню — хохотали. Наконец слышу: «Все свободны, а ты подожди к сто-